

— Позволь сначала представлюсь. Я Ли Сяохун, мне шестнадцать лет. Сегодня вторая ночь, как я мертва.

Отец мой, Старейшина Ли, нажил сына и двух дочерей. Я была третьей. И мне, и сестре моей Сяоань с малых лет вдалбливали одно и то же: женщина рождена прислуживать мужчине, сестра — холить и лелеять брата. Все вокруг твердили это, не умолкая.

Как и прочие девчонки в деревне, я не знала школы. По крайней мере, пока не появилась учительница Ван. В деревне была начальная школа «Надежда», да только учителей там вечно не хватало. Чтобы доучиться девять классов, приходилось топтать десять ли по горным тропам до самого посёлка. Деревенские понимали, что грамота — штука полезная, вот только провожали в этот путь сыновей, а дочерей оставляли дома, заставляя хребет гнуть на хозяйстве.

Когда мне исполнилось тринадцать, случилось два важных дела.

Первое: сестре стукнуло пятнадцать. Сын старосты увёз её и других девчонок в город на заработки. Деньги они слали домой — отцу нужно было строить дом и копить на выкуп за невесту для брата. Отец тогда сказал, что как только мне исполнится пятнадцать, я отправлюсь следом. Будем вкалывать вдвоём, чтобы брат поскорее женился, а род Ли не пресёкся.

А вторым событием стал приезд учительницы Ван. Она пришла к нам в дом, пыталась уговорить родителей отдать меня в школу.

Учительница Ван была самым прекрасным и добрым человеком из всех, кого я знала. Поселившись в школе, она обходила каждый двор. Обещала, что за учёбу платить не надо, что девчонок будут кормить яйцами и поить молоком. Сказала даже, что если девочка проучится месяц, семье дадут пятьсот юаней премии. Отец смеялся, говорил, что эта женщина от книг совсем умом тронулась: где это видано, чтобы за школу ещё и приплачивали? Но когда соседи и впрямь стали приносить домой еду, он загорелся. Велел мне идти — за яйцами и молоком для брата. И про премию напомнил, чтоб не смела возвращаться раньше срока.

Первое время я тоже считала учительницу и её помощников дураками. Кому нужна эта грамота? Какой в ней прок? Если бы не дармовая еда, если бы не возможность сбежать от работы в поле и послушать рассказы о большом мире или посмотреть кино на той штуке, что звалась компьютером, я бы и дня в этой «тюрьме» не высидела. Но потихоньку всё стало меняться.

Я научилась читать и писать. Стала понимать, о чём они говорят, и задумываться о вещах, которые раньше и в голову не приходили. Учительница Ван часто твердила: люди рождены равными. И мужчина, и женщина. У девочек такое же право на образование, а мысли о том, что женщина — лишь прислуга для мужика, в корне ложны.

Я не верила. Спрашивала её: «Если мы равны, почему никто вокруг этого не видит?»

Почему девчонки моего возраста любят братьев как матери, а к сёстрам относятся с холодком? Почему мы должны горбатиться в городе на выкуп для чужой бабы, а братья и пальцем не шевельнут, чтобы собрать нам приданое?

Учительница отвечала, что эти женщины никогда не знали справедливости. Их не любили по-человечески, и они просто не понимают, что такое равенство. Для них жизнь в чёрном теле — норма, а та, что требует к себе отношения как к человеку — юродивая. Она рассказала, что они с женихом приехали в Деревню Ли и тратят свои деньги на нас ради одной мечты. Они хотели, чтобы мы — такие, как я — осознали: права человека принадлежат не только мужчинам. Женщина — не раба. У неё есть право учиться, право мыслить...

Она говорила много, и не всё я понимала сразу. Но каждое слово я выжгла в своём сердце. Она была единственным светом в моей жалкой шестнадцатилетней жизни.

Слёзы Ли Сяохун катились по её бледным щекам, оставляя серые следы.

— Что было потом? Что случилось? — настойчиво спросил Цзун Ванчуань.

Когда погиб Ли Дабао, Ван Цзин и её товарищей уже наверняка не было в живых. Если бы они уцелели, то ни за что не позволили бы Старейшине Ли отдать дочь «во искупление» Хромому Хуану. При мысли о том, какое чудовищное злодейство свершилось на этой выжженной предассудками земле, голос детектива окреп и посуровел:

— Рассказывай... Кто убил её? Кто это сделал?!

— Все. В этом убийстве виноваты все. И я тоже.

Ли Сяохун вскинула голову. В одно мгновение пламя мести охватило её. В густом тумане её алое платье затрепетало, точно знамя над пепелищем.

— Деревня Ли — нищая дыра, где косо смотрят на каждого, кто не родился мужиком. Здесь рожают, пока не появится наследник, а «лишних» девчонок нередко убивают ещё в колыбели, чтобы не кормить лишний рот. А ещё здесь в ходу «обмен невестами». Если в семье есть и сын, и дочь, их меняют на детей из другой семьи. Если же дочери нет, а на выкуп не наскребли — покупают бабу у торговцев живым товаром. Учительница Ван быстро прознала об этих делишках. Она тайно обходила дома, говорила с купленными женщинами. Они договорились встретиться у окраины в ночь на десятое июля. Парень учительницы Ван должен был отвезти их в город, в полицию.

— Но та ночь выдалась жуткой: ливень стеной, гроза... Когда они собрались уходить, из темноты вынырнули деревенские. Обступили их плотным кольцом. И те самые бабы, которым учительница хотела помочь, вмиг переменились. Прижались к своим хозяевам и заверещали, что их обманули. Одна даже ляпнула, будто парень учительницы Ван её домогался... Тьфу! Да она на себя в зеркало-то смотрела? Каким слепцом надо быть, чтобы позариться на эту кобылу,

на которую даже свинья не вскочит!

Ли Сяохун замолчала. Спустя год ярость всё ещё душила её. Ей нужно было время, чтобы совладать с собой.

— Деревенские их и так не жаловали: мол, порядки рушат, девок мутят, против родителей подбивают. А тут ещё и на святое покусились — на торговлю жёнами. Староста предложил их связать и закопать живьём в лесу. Решили, что если трупы найдут, свалят всё на оползень. Но тут влез Ли Лайцзы, будь он проклят. Сказал, что Ван Цзин надо отволочь в Луаньфэнган и забить камнями.

— За что?

— Он жену свою бил смертным боем, а учительница не раз приходила к нему, стыдила. Сказать ей в ответ он ничего не мог, вот и затаил обиду. Ждал случая отомстить.

— Так вот почему ты лишила его глаз... — пробормотал Цзун Ванчуань.

— Глаза — это только начало. Этот ублюдок не заслуживает называться человеком.

Она глубоко вздохнула и продолжила:

— Знаешь, что такое — забить камнями? Человека заталкивают в мешок и бросают в самом холодном углу Луаньфэнгана на всю ночь. На рассвете староста созывает всех мужиков. Они встают кругом и по очереди швыряют камни. Камни должны быть небольшими — с куриным яйцом. Если взять булыжник покрупнее, жертва быстро умрёт, а если слишком мелкий — не почувствует настоящей боли. Это длится два часа. Пока мешок не промокнет от крови насквозь. Тогда староста льёт воду. Если мешок шевелится — продолжают бросать. Если затих — зарывают прямо там... Ван Цзин... её забили до смерти... Так страшно, так мучительно...

— «Кто из вас без греха, пусть первый бросит камень»... — Цзун Ванчуань помрачнел. — Значит, виновна вся деревня.

— Вся. Те, кто бросал, те, кто донёс, и те женщины, что её предали. И я... я тоже виновна. Когда её убивали, я зарылась в одеяло и зажала уши. Притворилась, что ничего не слышу. Если бы я тогда вышла... если бы встала рядом и взяла её за руку... Пусть бы и меня забили камнями, я была бы счастлива. Это лучше, чем гнить сейчас от раскаяния.

Она зарыдала — глухо, безнадежно.

Цзун Ванчуань молчал, медленно затягиваясь сигаретой. Близился рассвет. Туман над деревней густел, но облик Ли Сяохун становился лишь отчетливее. Она подняла голову, и пламя на её одежде яростно затрещало.

— Днём я не трону тебя. У тебя есть время до заката, чтобы найти её в Луаньфэнгане. Но как только солнце сядет — уходи.

— Почему?

<http://bllate.org/book/17576/1713974>